

АННА ЧЕРНЫШЕВА

ВЕДЬМЫ
ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА

ТОМ ВТОРОЙ

Анна Чернышева

Ведьмы губернского города - 2

«Автор»

2026

Чернышева А.

Ведьмы губернского города - 2 / А. Чернышева — «Автор», 2026

Что будет, если в губернском городе Российской Империи вдруг обнаружатся сёстры-ведьмы? Распугают женихов, нарушат экономические связи и расстановку сил в городе, но самое главное - разбудят Тёмные силы? Мужчины сходят с ума и проигрывают состояния, а женщины строят козни и теряют молодость и красоту. Разгул нечистой силы? Как бы не так! А вот не надо злить ту, которая попала в тело молоденькой девушки с разумом сорокалетней женщины из будущего. Ту, которая решила стать ведьмой во что бы то ни стало. Ту, которая умеет разбираться в мужчинах, но сердце её навсегда закрыто...

© Чернышева А., 2026

© Автор, 2026

Анна Чернышева

Ведьмы губернского города - 2

Глава 1

Три головы — рыжеватая, светлая и седая — склонились над столом, разглядывая небольшую горку. Шея немного поднывала, но руки работали быстро, вспоминая детские навыки.

Сидя за старым покосившимся столом при свете двух керосинок, мы с Асенькой перебирали гречку. Домна Егоровна подслеповато щурилась, больше ориентируясь на свои пальцы, чем на глаза. Соринки уходили влево, чистая крупа — вправо. Получалось споро и нескучно.

Агата лежала на топчане, укрытая шерстяным одеялом, и тихонечко постанывала. Я настояла, чтобы её не оставляли одну в бане, а перенесли в дом. Так будет спокойнее.

День, начавшийся по-дурному, уже перевалил затемно, а мы всё сидели, не в силах оставить сестру на попечение подозрительной старухи. Позади были объяснения с Марией Кондратьевной, которая при упоминании имени Домны презрительно сжала губы, а затем послала Василису, дочку кухарки, за врачом в соседнее село.

Пока запрягли коня, на которого Василиса лихо, по-мужски взлетела, пока лекарь приехал из Усолья, где проживал в имении графов Орловых-Давыдовых — прошло несколько часов. Если бы мы ждали его приезда, то Агаты бы уже не было в живых.

Доктор приехал, осмотрел укушенную ногу, похвалил того, кто додумался отсосать яд. И Домну похвалил, что травками присыпала. Оставил каике-то порошки и велел принимать. Сказал, если ночь переживёт — то, считай, повезло.

Мария Кондратьевна повела доктора в дом — кормить и оказывать гостеприимство — мы же остались с Асей подле больной, уверив хозяйку, что благополучно вернёмся в дом, как только ей полегчает.

И вот сейчас, слыша мерное Агамино дыхание, мы помогали перебирать гречку и разговаривали.

Домна Егоровна достала сливовой настойки и предложила угоститься. Асенька отказалась, а я попробовала, и сейчас наблюдала, с каким удовольствием крестьянка прикладывается к спиртному. Щёки её покраснелись, а словоохотливость явно выросла.

— А припадочная я была, — продолжила она рассказ о себе, блестя бесцветными глазами. — Потому он замуж и не звал. Все на деревне знали, что коли на мне женишься — так и дети такие будут. От того и робел. Но люби-и-и-ил меня знатно!

Домна Егоровна вздохнула, со сладостным вздохом закатив глаза.

— Силён был, подлец! Как посмотрит на меня — а я и пропала. Не ведаю, куда ведёт, зачем. Ровно как заколдовал кто. Ну, и родился у меня Кирюша от него. Двадцать годков мне было. По всем меркам — старая дева я, значит.

Хозяйка сделала паузу, встала, прошла к окну. Налила себе воды из кувшина, отпила.

— А меня отец сызмальства к бабке водил, припадки отчитывать. Ну, бабка там водичку заговорит, надо мной пошепчет, руками вот так вот сделает, да и полегчает мне. Потом долго припадков нету. А тут сызнова началось — отец меня опять к бабке — а та ему и расскажи, что я брюхатая. Ох, и отлупил он меня тогда! Страсть как я испугалась, и как только мальчика не выкинула?

В дверь резко постучали и я вздрогнула — так не хотелось, чтобы кто-то прерывал Домнин рассказ. Оказалось, что Василиса принесла котомку со снедью — чтобы мы откушали прямо тут. В большом доме ужин уже закончился, а нам негоже одинокую бабку обедать.

Василиса острым глазом окинула происходящее и хмыкнула. Потом развернулась и ушла прочь, оставив нам настоящее пиршество: горячие пироги с мясом, с речной рыбой и пшеном, сладкие слойки с яблоком. Для Агаты в глиняном горшочке был надёжно укутан жидкий супчик с курицей. Горшочек побольше был полон гречневой каши с мясом. В отдельную бумажку было завернуто сливочное масло.

Домна, слегка качаясь на неверных ногах, прибрала гречку со стола и мы накрыли его простой льняной скатертью.

— Ох, и давно у меня не было таких гостей щедрых, — довольно расплылась она в улыбке. — Сейчас поедим!

Спустя полчаса, когда маленький самовар закипел и мы принялись за пироги, я напомнила Домне:

— А что дальше было? Когда отец узнал, что у вас будет ребёнок?

— А что он сделает? Анисим ни в какую венчаться не хотел — хотя отец его тоже кулаками поучил. А тут про то староста наш деревенский прознал, да кому надо сказал. Меня вызвали к волостному судье — и давай сватать за вдовца. Мол, нельзя мне одной у отца теперь жить, муж надобен. А я — в отказ. Ну не люб он мне! Но дело всё-таки сладили. Выдали меня замуж за Ефима, но пока суть да дело, я ребёночка-то уже родила. Вот с ним и пришлось к старому мужу в избу идти.

Я вздохнула, словно наяву представляя историю молодой Домны. И ведь было это, судя по её возрасту, лет тридцать назад, а то и больше.

— Только не ужились мы с ним. Он меня попрекать стал мальцом, да поколачивать. И я сбежала обратно к батюшке, а он меня принял. Жалел меня, убогую, пуще всех сестёр любил. Так и стали жить, поживать. Сестра замуж вышла, ушла, и мы втроём зажили. Анисим мой женился, у него свои детки народились. Тяжело ему стало нас кормить, своих семеро по лавкам. И я стала думать, на что мне жить тогда. Не у отца же на шее сидеть!

Агата тихонько всхрипнула, и я испуганно вздрогнула.

— Да не бойся, раз спит, значит, хорошо ей, — покачала седой головой Домна. — Ты вот давеча спрашивала, откуда я заговоры-то знаю. А вот от бабки той, что припадки мои заговаривала. Она меня научила, как для себя над водой шептать, я и шептала всю жизнь. А потом одна подружка увидела, другая. Стали приходиться и просить заговорить и им тоже. Я по первой отнекивалась, а потом как-то раз попробовала. И девка та болеть перестала. Мне потом мать её молока да яиц принесла. Вот и смекнула я, что можно на этом прожить. Так и стала...

— Ну, раз к вам люди ходят, значит, помогает? Вы обладаете какими-то... способностями? К колдовству?

— А может, и обладаю, — хитро глянула Домна. — Только же любой может, коли захочет. Коли посмотрит особо, или замечать начнёт, что вокруг него деется. Вот и ты можешь! Разве не замечаешь, как вокруг сестрицы твоей чёрное клубится? Да и от рыжей тоже ниточка к кому-то тянется, не отпускает.

Я ошарашенно посмотрела на Асеньку и вправду увидела тоненькие тёмные ниточки, которые тянулись от её тела вверх и исчезали где-то в вышине. Как будто кто-то большой и невидимый играл ею, как куклой-марионеткой.

И внезапно я вспомнила, как в первый же день своего перевоплощения видела золотистые лучи, исходящие из головы Нюрочки. Мне казалось, что у неё в волосах спрятана лампочка, которая подсвечивает нимб из тоненьких волосков. Значит, это просто была её аура?

Но почему я перестала её видеть?

— Увидела, надо же, — усмехнулась Домна. — Ну вот теперь ходи и смотри. Может, и ещё что увидишь. Только ты в лес пока не ходи, и сестёр не пускай.

Асенька напряжённо переводила взгляд с меня на крестьянку и слушала.

— А то так и будете калечиться. Ещё на медведя напоретесь, или ядовитых ягодок наберёте. Сначала нужно всю эту черноту убрать ди сил набраться.

— Ты сможешь убрать порчу? — прямо спросила Ася, и я поразилась её снисходительному тону. Раз Домна крестьянка, то и тыкать ей можно?

— Ну тут таково — ты либо сама уберёшь, либо я. Но убирать надо, а то жизнь-то она знатно портит! — Домна посмотрела на Асю и та не выдержала, опустила глаза.

— А как вы учились всё это убирать? — задала я волнующий вопрос. Из головы всё не шла тетрадка, и мне казалось важным найти правильный источник знаний о колдовстве.

— Ну так и училась. Вот вижу что-то не то, начинаю разговаривать. На какие-то слова оно отзывается. Наши же слова — самая сильная магия. Чего скажешь, то и будет. Говоришь себе: я ничего не вижу, так и не видишь. А коли скажешь: я всё вижу, так сразу и начинаешь скрытое замечать.

Домна отпила ещё настойки. Было заметно, что ей нравится говорить о себе. Видимо, нечасто у неё бывают гости, с которыми можно обсудить подобные темы.

— Вы, барышни, собирались бы домой. А завтра поутру придёте провести сестрицу. А то заболталась я с вами, а уже спать пора, — словно подслушав мои мысли, стала выпроваживать нас Домна.

— А могу я тут рядом лечь? Да хоть на полу? — начала проситься, но хозяйка непреклонно отказала.

— Иди, иди, недосуг мне тут с тобой возиться. Барышня твоя до утра проспит, ничего не пропустишь. Всё, время вышло! — строго сказала Домна Егоровна, подавая наши платки и кофты. — До завтра!

На улице было холодно и темно. Ни огонька, ни фонаря. Только тёмное небо и яркие октябрьские звёзды. Мы с Асенькой взяли за руки и припустили по направлению к дому. Благо, Берёзовка состояла всего из одной улицы, спускающейся к Волге. Заблудиться было невозможно.

Во дворе дома Саниных залаяла собака, и Василиса, у которой сна не было ни в одном глазу, впустила нас внутрь, вручив одну свечу на двоих.

— Асенька, милая, что вы так долго делали у Домны? — спросила Мария Кондратьевна у младшенькой за завтраком. Сегодня светило солнце, но не яркое — сквозь слоистые тучи пробивался молочный свет, как в мутном сне.

— Мы разговаривали, да за Агатой следили. Вроде бы полегчало ей, — вежливо отозвалась Ася, черпая ложечкой мёд из склянки и намазывая его на кусок хлеба.

— Вы постарайтесь поменьше с ней якшаться, — недовольство прорвалось сквозь её голос. — Её тут не любят. То, что помогла Агате — отблагодарим. А больше к ней ходить не надо.

— Почему? — Ася округлила глаза, а я замерла.

— Да она ж с нечистым знается! — буркнула Евлампия Антоновна, ставя на стол печёные яблоки с мёдом и изюмом. Потом сама села и принялась за завтрак.

Здесь, в деревне, церемонии у Саниных были не в почёте. За столом сидели все вместе, разговаривали почти на равных. Каждое утро молились, зажигая свечу у икон. И если Нюрочка молилась у себя в комнате, потихоньку, то тут для этого собирались внизу, в гостиной.

И перед трапезой тоже возносили благодарственную молитву. Я каждый раз искренне благодарила за пищу и за чудесное спасение, которым представлялся наш переезд в деревню.

— Это деревенские болтают, что она с нечистым знается? — рискнула переспросить я у Евлампии.

— Побойся Господа, Сандра, — строго глянула на меня Мария Кондратьевна. — Её же судили за колдовство! Она от того и приехала сюда, в глухомань, чтоб никто её не трогал. А так в Симбирске жила да имела там дурную славу.

Мы удивлённо переглянулись с Асей! Вот это крестьянка! Вот это судьба!

— Да-да, несчастная судьба и занятия греховными делами приводят к одиночеству. Ни семьи, ни мужа. Кое-как живёт одна, да людям головы морочит, — продолжала Мария Кондратьевна. — Жаль её грешную душу, надо бы помолиться за неё!

Мне резко захотелось навестить Агату. Было что-то странное в том, чтобы жить в такой религиозной семье, зная наверняка, что ты сама ведьма и твои сёстры — тоже.

— Но она спасла Агату, и уже за одно это мы ей благодарны, — спокойно сказала я. — Поэтому спасибо за предостережение, будем знать и учитывать. Но сегодня всё же обязательно пойдём — пока Агата не сможет вернуться в дом насовсем.

— Василиса, заверни девушкам гостинец для Домны, — распорядилась Мария Кондратьевна. — Девочки, мне нет резона вас неволить. Вы тут не в тюрьме, вы вольны делать всё, что считаете нужным, в рамках приличий. Просто прислушайтесь к моим словам — я желаю вам добра.

На этом дискуссия была окончена. После завтрака мы поблагодарили хозяйку и собрались в путь. Василиса вручила нам корзинку со снедью, и мы вышли на улицу, легко вдыхая морозный воздух.

До Домны было десять минут хода, и мы быстро преодолели это расстояние. Но её покосившаяся избушка из серых брёвен оказалась пуста.

Ни Агаты, ни Домны. Асенька в панике забежала по горнице, заглянула за печь и начала искать подпол, а я в растерянности вышла наружу и заметила, что дверь в баню приоткрыта. Внутри пахло какими-то притираниями, а воздух оказался разогрет небольшой дровяной печкой.

— Домна Егоровна, вы что, сами её сюда перенесли? — громко сказала я, чтобы заявить о своём присутствии.

— И тебе доброго утречка, — проворчала знахарка. Прямо перед ней, на верхнем полке, прямо на холщовой простынке лежала обнажённая Агата. Её кожа золотилась в пламени свечи, но нога опухла и выглядела неестественно красной.

Домна, погрузив руки в какую-то мази, старательно растирала её тело, докрасна массируя кожу. Ася смотрела во все глаза — я вообще была не уверена, что она видела когда-нибудь свою сестру голой.

— Ступайте в дом, я скоро закончу, — скомандовала Домна, но я решила по-другому.

— Давайте я вам помогу, — решила я, скидывая подаренный Саниными тёплый zipун и закатывая рукава платья. — Нужно просто массировать? Вот здесь?

Встала у изголовья Агаты и тут же заметила чёрные клубы дыма, колышущиеся у её головы.

— Ты лучше вон травкой посыпай да втирай. Потом укутаем и дадим пропотеть. Яд через кожу и выйдет, — не стала спорить хозяйка.

— Асенька, принеси ещё воды! — попросила я младшую сестру, и та убежала.

— Домна Егоровна, а что делать с этой чернотой? — робко спросила я. Мне до сих пор казалось нереальным, что я соприкасаюсь с этим неведомым миром, который имеет свои собственные законы.

— Снимать надо. Только тут не всё так просто. Нужно ждать убывающую Луну — все порчи снимаются только на угасание. И нужно понять, на кого переложить это всё.

— Зачем на кого-то перекладывать? — ужаснулась я. — Разве это правильно?

Домна, остановившись, посмотрела на меня прищуренным глазом.

— А ты как думала? Чтобы порчу навести, нужно вызвать дополнительные силы. Ты их потом куда денешь? Я, чаще всего, отправляю порчу тому, кто наслал. Если разрешат. Чтобы думали головой и на себе испытали, каково это. На неё кто наслал, знаешь?

Я помолчала, гадая, стоит ли выдавать тайны Агаты.

— Кто на неё наслал, не знаю. Но знаю, что она мужа приворожила, — прошептала я, боясь, что Агата услышит, хоть она и была в полудрёме.

— У-у-у-у, — разочарованно протянула Домна. — Тогда плохи её дела.

— Почему? — теперь мы обе говорили шёпотом.

— За любовную магию сильно карают. Коли кто по глупости сделает приворот — то есть привяжет к себе человека против его воли — то потом и сам всю жизнь мается. Ведь приворот действует в обе стороны — ты привязываешь его к себе, а он тебя — к себе. И вы друг без друга не можете, и вместе тоже. Потому как это против воли. Злость внутри растёт, мужик кидается на бабу, чуть не убить её хочет. И она его ненавидит, потому что душа её чувствует, что она покусилась на чужую свободу воли. Так и живут — и любят друг друга, и поубивали бы, пока кто первый не помрёт. А помрёт быстро — нельзя много лет жить с такой чернотой над башкой.

Домна отвернулась, вернувшись к своему делу с удвоенной силой. Будто бы жалела, что разоткровенничалась со мной.

— А тот, кто жив останется? — решила я нарушить затянувшееся молчание.

— А тот будут наказание нести. Помирает-то обычно тот, кого приворожили. А глупая баба живёт и удивляется, почему счастья в жизни нет и всё у неё через заднее место. Но это ещё ладно — она виновата, она и платит собой. Но по крови эта порча передаётся и детям, и внукам. И потом вот такие несчастные дочки ездят по деревням, по бабкам-знахаркам, и пытаются ребёночка себе вымолить. Или венец безбрачия снять. А причина-то всегда есть: бабка колдовала, а внучке Бог ребёночка не даёт. Вот так!

Домна словно припечатала своими словами и начала заворачивать Агату в простынь.

— Да ты и сама видишь, что беда с твоей сестрицей. Коли получится снять эту порчу и приворот — то отделается малой кровью. А если оставить, как есть, так ей проще и вовсе деточек не рожать, чем потом смотреть, как они всю жизнь маются. Уж я-то знаю...

Домна замолчала и потом, спохватившись, приказала:

— Теперь оставить её надобно, пусть поспит. Я заговор прочитала, травками натёрла. Пошли в дом!